

„Новый жрец“ Н. А. Крашенинникова и „Безкорыстный друг“ Жулавского. (На сценѣ театра Незлобина).

Мы въ древнемъ Египтѣ. Египетъ по Эберсу и, стало-быть, неможно оперный (кстати, даже съ красивой музыкой и хорами). Но это не мѣшаетъ впечатлѣнію, такъ какъ и все выдержано въ томъ же тонѣ немножко оперной постановки, гдѣ люди не просто ходятъ, а выступаютъ, не говорятъ, а изрекаютъ и живутъ не просто, а особыми приподнятыми чувствами.

Передъ нами Оивы и одинъ изъ ея храмовъ.

Верховный жрецъ, умный, властный, презирающій «чернь непосвященну» и сознательно обманывающій ея во славу боговъ, пылливый скептикъ-врачъ, смѣющійся въ душѣ надъ самими богами, и молодой вдохновенный жрецъ-поэтъ, прекрасный, какъ лучезарный богъ и раздвоенный между правдою боговъ и противорѣчивою ей правдою своей свѣтлой души, а вокругъ— жрецы-предатели, интриганы, наушники и торжующіе святыней. Однимъ словомъ, все что полагается по нашему представленію для населенія египетскаго храма.

Прекрасная царевна Бентъ-Анатъ встрѣчаетъ жреца-поэта Пентаура, разумѣется, влюбляется въ него, а онъ (также разумѣется), безъ ума отъ нея, по ея любитъ еще одна дѣвушка, дочь отверженца, вскрывателя труновъ, чистая какъ лилія и прелестная какъ цвѣтокъ лотоса въ лунную ночь Уарда. Женщины всегда были женщинами и гордая Бентъ-Анатъ не можетъ примириться съ тѣмъ, что видитъ подлѣ своего героя другую, и въ бѣшенствѣ ревности отдается влюбленному въ нее уроду свирѣтому Паакеру, а Пентауръ, лишенный сана за святотатство и обреченный на изгнаніе, уходитъ и только бѣлая лилія Уарда идетъ, какъ зачарованная за нимъ. Таковъ сюжетъ «новаго жреца». Какъ видите, въ центрѣ опять та же чистая, какъ бѣлая голубица, юная и пыжкая дѣва, которая, мѣняя имена и костюмы, проходитъ черезъ все драматическія творенія Н. А. Крашенинникова, а вокругъ жизнь, кипящая своими страстями, жестокая и грязная и такой же чистый, какъ та дѣва, юный поэтъ проходитъ сквозь эту жизнь, незапятнаннымъ и непризнавшимъ ея.

Вообще, пьеса возвышенная и не только нравственная, но даже сверхнравственная, и я рѣшительно не понимаю, чего ради цензура запрещаетъ г. Крашенинникову по двѣ пьесы изъ двадцати трехъ написанныхъ пьесъ.

Поставленъ «Новый жрецъ» хорошо. Все исполненіе выдержано въ одномъ тонѣ, исполнѣ соотвѣтствующемъ пьесѣ, если же, въ общемъ, выходитъ немножко однообразно, то въ этомъ уже вина не театра, а автора.

Въ гриммъ и движенія вложено много старанія придать всему стиль египетскихъ фресокъ.

Нѣкоторыя же сцены совсѣмъ картины како-нибудь Альмы-Тадомы. Декораціи тоже хороши, если стѣны храма кажутся сложенными не изъ песчаника, а изъ гранита, то, вѣдь, не изучать же египетскія древности ходимъ мы въ незлобинскій театръ, а сърый колоритъ камня еще больше увеличиваетъ впечатлѣніе тюрьмы, въ которую преградили храмъ жрецы.

Г-жа Жихарева очень подошла по своей вышности для роли дочери фараона и исполняетъ ее съ чувствомъ и увлеченіемъ. Г. Рудницкій красивый, пластичный Пентауръ и если бы время отъ времени въ его рѣчи не проскакивалъ какой-то російскій бытовій стѣбнокъ, то онъ былъ бы и совсѣмъ хорошій Пентауръ. Г-жа Дилина въ роли бѣлой голубки-Уарды совершенно въ стиль Н. А. Крашенинникова, а г. Кузнецовъ 1-й— характерный вскрыватель труновъ Пшемъ, измученный жизнью старикъ. Верховный жрецъ Амени (г. Леонтьевъ), величественъ и непоколебимо строгъ, а уродъ Паакеръ (г. Грузинскій)—сверх-

свирѣтый злодѣй. Однимъ словомъ, все: и пьеса и исполненіе въ одномъ общемъ тонѣ и въ результатѣ—представленіе, которое съ удовольствіемъ будетъ смотрѣть публика и которое будетъ имѣть несомнѣнный успѣхъ. Хоры, написанные г. Манькинымъ-Неверуевымъ, звучатъ восточкомъ и прекрасно дополняютъ впечатлѣніе. Однимъ словомъ все обстоитъ, какъ нельзя лучше.

Авторъ можетъ быть доволенъ театромъ, артисты пьесою, а публика артистами и обратно.

Да, совсѣмъ могло бы выйти такъ, если бы послѣ «Жреца» не шла часть трилогіи Жулавскаго.

Въ томъ, что она идетъ послѣ «Жреца», есть какая то злая шутка судьбы.

Ну какъ, въ самомъ дѣлѣ, послѣ такой добродѣтельной драмы ставить такую совсѣмъ недобродѣтельную вещь, да еще на праздникахъ! Вѣдь на «Жреца» можно вѣхать вѣсѣмъ семействомъ и даже дочь институтку привезти, а какъ только начнется «Безкорыстный другъ», такъ и придется дочь уезжать домой.

«Безкорыстный другъ» Жулавскаго—прекрасный, тонкій, глубокий и жизненный этюдъ женской психологіи, но этюдъ откровенный, и когда закрывается занавѣсъ за уходящими Мелою и Вроничемъ, то и «Жрецъ» Крашенинникова вдругъ начинаетъ казаться все-таки прекраснымъ романомъ для юношества, а «Безкорыстный другъ»—страничкою настоящей жизни.

Исполняетъ Мелу г-жа Юренева съ большимъ чувствомъ и затрагиваетъ зрителя глубоко. Дума-